ЗВЕЗДЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ СЦЕНЫ

ВСЕГДА — ОТКРЫТИЕ

Е. ЛЕБЕДЕВ — Рогожин («Идиот»).
Фото В. Богданова

СЛОЖНЫЕ задачи ставит жизнь перед театром двадцатого века. Зависимость отдельных человеческих судеб от движения истории, ответственность каждого за совершающееся в мире — эти и иные не менее трудные проблемы стремятся осмыслить передовые художники нашего времени. Естественно, что в спектаклях, затрагивающих коренные вопросы бытия, должна быть определенность отношения к миру и человеку. Эта определенность раскрывается в единстве режиссерского замысла и его воплощения. Потому-то в основе современного театра заложена организующая воля режиссера. Но размышления о закономерностях жизни, исторического процесса нерасторжимы с анализом духовного мира человека. Вне человека, а стало быть, вне актера остро чувствующего дыхание времени, едва ли возможен современный режиссерский театр. Вся история театра двадцатого века подтверждает это.

«Ни одна из проблем поиска новых выразительных средств, ни один из методов современной режиссуры не обретет реальности, не принесет плодов, если не будет выявлен через актера... Режиссерский замысел и образный ход, сколько бы самобытным и ярким он ни был, всегда помножен на неравнодушное актерское сердце, на его гражданское мироощущение», — утверждает крупнейший советский режиссер Г. А. Товстоногов. Среди актеров, в которых Товстоногов видит соавторов своих спектаклей, он называет Евгения Алексеевича Лебедева.

Обладая блистательным даром перевоплощения, редкой наблюдательностью, Лебедев создает удивительно несхожие образы. Воистину неисчерпаемы средства его актерской выразительности. Он в равной степени владеет эксцентриадой и точно воссозданной бытовой характерностью, гротеском и проникновенным психологическим анализом. На первый взгляд может показаться, что внутреннее «я» актера как бы растворяется в его созданиях. Настолько резко выраженной индивидуальностью наделен каждый из лебедевских персонажей. Но в то же время есть нечто объединяющее их. Это гражданственная морально-этическая позиция актера, яростное неприятие зла и столь же активная борьба за добро. Это его философское отношение к миру, поиски подспудной сути явлений и человеческих характеров.

Глубоко лирическая тема Лебедева, тема действенного утверждения добра и протеста против несправедливости выявилась в первых же его ролях, над которыми он работал еще в стенах Московского театрального училища — Фердинанда из драмы Шиллера «Коварство и любовь», Фернандо из юношеской трагедии Лермонтова «Испанцы». От неосознанного и озорного мальчишеского бунтарства к постижению революционной идеи, к неимоверно трудному творческому подвигу шел лебедевский любимый герой Павка Корчагин. Образ этот был создан Лебедевым в пору его пребывания в Тбилисском русском ТЮЗе. Здесь на рубеже тридцатых и сороковых годов он начал свой артистический путь и переиграл множество самых разнообразных ролей. Отчаянно бесстрашный молодогвардеец Сережка Тюленин, Суслов из «Мстислава Удалого» — герои, окрыленные утверждающей революционной романтикой. Гражданственная и лирическая тема актера продолжалась в образах сурового и отважного комсомольца первого призыва Степана Барабаша («На улице Счастливой» Ю. Принцева) и Коли Саватеева — паренька нелегкой послевоенной поры, умницы и трудяги («Студенты» В. Лифшица). Они претворялись актером уже на сцене Ленинградского театра имени Ленинского комсомола.

БОЛЬШОЕ место в репертуаре Лебедева с самого начала его актерской биографии заняли сугубо комедийные роли с элементами эксцентрики и буффонады. Причем расчет режиссуры на его виртуозную технику, пластичность, комедийное обаяние, юмор всегда оказывался безошибочным. Правда, самого Лебедева мало радует шумный успех в подобного рода ролях. И при малейшей возможности он стремится обнаружить зерно драматизма в своих комедийных персонажах. Так, сквозь смешной облик его мадмуазель Куку («Безымянная звезда»), жеманной, брюзгливой да еще претендующей на элегантность старой девы, проступала горькая человеческая обездоленность. Трогательная доброта покоряет в лебедевском Щукаре при всем его старчески вздорном упрямстве и бестолковости.

Ростки добра Лебедев стремится найти и в существе, где все искажено, изуродовано обстоятельствами. Он умеет видеть добрые проблески и в нелепом, и в жалком, и в безмерно униженном человеке. Здесь продолжая гуманистические традиции русского искусства, Лебедев оказывается защитником играемых персонажей. Его Тихон из «Грозы», добрый по природе, мучительно пытается подчиниться законам своей среды. В этом характере, жестоко изломанном окружающей жизнью, трагически сталкивались жажда свободы, бунт и бессилие. Столь же драматичен был в исполнении Лебедева и акцизный Монахов из горьковских «Варваров» — одной из талантли-

Ленинградская правда
2 АПР 1967

вейших постановок Г. А. Товстоногова. Болезненное тщеславие и угодливость, цинизм и вымученная элегантность провинциала — эти черты, порожденные всем укладом российского уездного бытия, казалось бы, определяли характеристику образа. Но за ними обнаруживался глубоко страдающий человек, одержимый горькой и безответной страстью.

Неоднозначное отношение Лебедева к своим героям проявилось и в том, как он сыграл дядю Ухова в «Старшей сестре» А. Володина. Ограниченный, хотя по-своему добрый и самоотверженный человек мнил себя носителем высшей житейской мудрости. Но уховская доброта оборачивалась злом для его любимых племянниц. А сам он оказывался лишним, никому не нужным. Обнажая причины духовной скудости своего героя, актер и жалел его и незлобиво подсмеивался над ним.

Но, когда Лебедев изобличает эгоизм, своекорыстие, враждебную человеку агрессивность, нет предела разящей силе его сарказма. С гневом клеймит он многоликое мещанство как явление быта и психологии, философии и политики. Страшен его боцман Кобза из «Гибели эскадры», вожделеющий власти хам, предатель с холуйской повадкой и злобным тяжелым прищуром глаз.

В омерзительную «тварь дрожащую» превращался лебедевский Балютин («Метелица» В. Пановой), который ценой потери достоинства и чести пытался сберечь свою шкуру. Укрупненным представал в исполнении Лебедева брехтовский памфлетный Артуро Уи. В этом подонке, одержимом человеконенавистнической идеей мирового господства, актер показал воинствующего истерика и мещанина, снедаемого жаждой самоутверждения. Образ огромной обобщающей сути принадлежит к самым ярким достижениям сценической интерпретации Брехта. Великолепным мастером психологического гротеска — одного из сложнейших театральных жанров — выступил Лебедев в этой роли.

САМОЕ же заветное пристрастие Лебедева — образы трагедийные. Сейчас, в пору творческой зрелости, он утверждает свое право на трагедию каждой новой ролью. Рогожина в инсценировке «Идиота» Лебедев играет уже несколько лет, настойчиво проникая к глубинным основам образа и освобождаясь от всего внешнего в его характеристике. Сила непреодолимой, исступленной страсти, отчаянного стремления понять самого себя и сокровенные, но недоступные ему законы жизни, потрясала в лебедевском Рогожине на спектаклях «Идиота», показанных нынешней зимой. Его искренняя и горькая привязанность к Мышкину боролась с ненавистью. И была в нем какая-то трагическая сосредоточенность, разительно подчеркивающая накал внутренних борений.

Огромные возможности Лебедева как трагического актера раскрылись в недавней постановке «Мещан», осуществленной Г. А. Товстоноговым. В этом замечательном спектакле, где по-новому была прочитана горьковская пьеса, Лебедев сыграл старика Бессеменова. Актер ни в чем не поступился правдой бытовой и сословной характеристики образа. Но его мещанин и собственник Бессеменов мучительно любит детей своих и жаждет помочь им и тщетно ищет у них понимания. Безмерно было отчаяние Лебедева—Бессеменова в сцене спора с Петром и Татьяной, отвергающими отцовскую правду. Воистину потрясала его благодарственная молитва за спасение дочери. Уход Нила наносил ему страшную рану. И не только потому, что он считал Нила неблагодарным. Старик чувствовал в своем приемыше нечто устойчивое, утраченную им самим точку опоры. Так Лебедев играл трагедию человека на разломе эпох, переживающего крушение старых, привычных истин и бессильного обрести новые.

Сейчас Лебедев мечтает о шекспировских ролях. И думается, что это вполне правомерно.

ЕВГЕНИЙ ЛЕБЕДЕВ — художник широчайших творческих перспектив и остро современной, гражданственной темы. Человек и среда, его формирующая в сложных, подчас трагедийных столкновениях, страстные поиски смысла жизни, жажда истины — вот круг проблем и образов, к которым тяготеет Лебедев. Он видит суть своего призвания в защите человечности, в раскрытии обстоятельств, мешающих гармоничному развитию человека. Ему всегда необходимо добраться до самого корня характера, исследовать его диалектику в скрытых взаимосвязях и закономерностях.

Н. РАБИНЯНЦ